5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 40 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

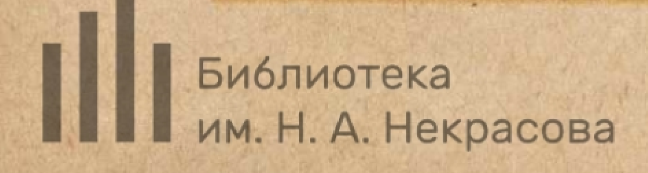
ОКТЯБРЬ МОСКВА. Редакция: Тверская, 28 • Телефон редакции 3-43-56 • Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927

Рис. А. Радакова

ПОСЛЕ БАЛА

Фокс-трот
ТАНЦЫ

— Подайте безногому!
— Проходи! Сами без ног. Всю ночь танцевали...

ИЗ ТОЙ ЖЕ ОПЕРЫ

В травле СССР печатью особенно отличилась газета „Фигаро", состоящая на содержании у нефтяной английской компании „Детердинг".

Рис. Н. Радлова

„Фигаро"— здесь...

„Фигаро"— там...

ВЕСЕЛЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОКОЙНИКА

Очень веселая история. Но сначала расскажем об одном печальном событии.

Внеплановая подсекция РКИ тверского горсовета собралась сегодня в полном составе. Еще заседание не открыто, а все члены подсекции уже сидят на своих местах.

Молчат. Угрюмо молчат. Некоторые свесили головы и о чем-то тяжело думают.

Наконец-то к столу президиума подошел председатель. Посмотрел скорбными глазами на собравшихся. Взял в руки звонок и решительно тряхнул им.

— Товарищи!..

Голос председателя запнулся, задрожал. Но в ту же секунду председатель овладел собой, и речь его полилась плавно и ровно. Говорил он сегодня хорошо, с чувством, с „искрой".

Говорил он о том, что редеют наши ряды. Старые работники горсовета уходят туда, откуда уж нет возврата. Подсекция потеряла одного из самых активных своих работников. Покойный не был стариком, он мог бы еще долгие годы работать и созидать, созидать и работать, но сильная перегрузка смяла его, он сгорал на работе, и мы потеряли такого человека, такого работника, такого товарища. Костлявая рука смерти — она не знает пощады и вырывает из нашей среды самых лучших, самых достойных.

Долго говорил председатель. Но никто не уходил курить. Не такой нынче день. Жалко было товарища. Он был такой жизнерадостный, активный. Говорят, жена осталась и трое ребятишек. Реяла скорбь над залом заседания. Да! Секция... подсекция... А наступит день и подсечет тебя на веки вечные.

— Мир твоему праху, дорогой товарищ! Да будет тебе земля пухом!— кончил председатель свою речь.

В эту минуту вошел в залу заседания член горсовета и внеплановой подсекции тов. Арсеньев. Опоздал человек. Впрочем, это с Арсеньевым за последнее время случалось часто.

Сел Арсеньев на заднюю скамью. Только сел, а тут предлагают почтить вставанием память усопшего товарища. Встал. Сделал печальное лицо. Склонил голову.

Запели „Вы жертвою пали". Пел и Арсеньев. У него когда-то был неплохой баритон. Арсеньев сначала пел тихо, а потом увлекся и запел во весь голос.

Кончили петь. Сели. Арсеньев наклонился к своему соседу и спрашивает:

— Товарищ, скажите пожалуйста, кто умер?

— Член горсовета Арсеньев.

— Арсеньев? Это какой?

— С Октябрьской железной дороги.

— Что!?

Арсеньев вскочил с места, словно его змея ужалила. Ринулся к столу президиума. Председатель глянул на него и стал белее бумаги.

— Товарищи!— кричал Арсеньев.— Не может этого быть! Я не умер! Я жив! Вот смотрите на меня! Честное слово, жив! Чего вы меня хоронить собрались, товарищи?

* * *

Только через полчаса все очухались. Начали выяснять, в чем дело. Оказалось: вот уж почти полгода, как Арсеньев не посещал заседаний подсекции. Начали искать Арсеньева: нигде его нет. Исчез и след простыл.

Запросили адресный стол. Оттуда получился ответ:

— Не значится. Умер.

Напутал адресный стол. А по сему случаю и об'явлен был покойником здравствующий тов. Арсеньев.

Окружили члены подсекции воскресшего из мертвых и давай его стыдить.

— Обидно, т. Арсеньев! Ведь мы с полной искренностью пели „Вы жертвою пали", а ты...

— Да разве можно целых полгода не ходить на заседания? Разве затем тебя избирали, чтобы память твою чтить вставанием?

— Товарищи!—сказал им Арсеньев.—Мне самому обидно. Ведь я сам себя, можно сказать, отпевал. Ведь собственную память я почтил вставанием! Поистине,— редкий случай в природе!..

Г. Рыклин

ЕЩЕ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ

Когда началось землетрясение в Крыму, в Москве это отразилось, прежде всего, на телеграфе и на бюро справок МКХ: в этом последнем количество вопросов возросло вдвое в первый же день.

Я сидел у контрольной трубки, слушал два часа кряду, о чем запрашивали уважаемые граждане МКХ, и думал, что ежели бы сбрить усы и сесть здесь вместо барышни у аппарата на пять дней — до самой смерти не пришлось бы больше выдумывать из головы ни одной строки: „полное собрание телефонных записей за неделю“ создало бы мировую славу автору и обеспечило бы его трудовую старость и детей и внуков его до четвертого колена!

И я искренне изумлялся голубиной кротости, золотым сердцам и веревочным нервам людей, дававших справки: я бы давно уже, вежливо спросив у клиента адрес и оставив пост, сел на извозчика, проехал к нему, клиенту, домой и ударил табуретом по его плешивой и напоминающей, как это ясно чувствуешь в телефон, редьку хвостом вверх, голове.

Пусть судят потом и сажают в ДОПР: человечество поймет и история оправдает меня.

Ибо первым вопросом, который услышал я, приложив трубку к уху, был вопрос — подешевели ли, и если да, то насколько именно, в связи с землетрясением, комнаты и пансион в Крыму?

Клиент желает точной справки в процентах и точных данных о жилищных и рыночных настроениях на южном берегу. С какой уступкой передают свои комнаты семьи пострадавших? Определены ли уже льготные условия аренды разрушенных дач? Если началась распродажа имущества коренным населением, то по какой цене, франко Севастополь, можно купить:

а) рояли Шредера, Беккера и старых петербургских фирм;

б) стулья венские, гнутые, плетеные, столовые или белые, туалетные;

и в) ковры текинские или имитации персидских фирм?

Говорит он ровно, спокойно и хладнокровно, щеголяя бесстрастной точностью делового, коммерческого человека; вероятно, в мягких туфлях, в полосатой пижаме, он сидит у стола с записной книжечкой „Идеал“; вероятно, сейчас он спросит еще,— есть ли смысл, отправляясь за венскими стульями и коврами, сдать, кстати, большой скоростью тонну краковской колбасы и вагон глазированных сосновых гробов?

Все-таки, продовольственные затруднения; вероятно, вероятно есть убитые...

Я переключаю штепсель. Движимый чувством отвлеченного любопытства, какой-то старичек добивается настойчиво последних научных заключений о характере „этой катастрофы“: тектоническое землетрясение или вулканическое? Дребезжащий и сухой голос его скрипит, как старое, ржавое перо.

Если землетрясение тектоническое,—чем об'яснить, скажите любезно, столь значительную силу толчков, сдвигов и разрушений? Если же оно вулканическое,—как понять отсутствие прямых признаков самого действующего вулкана?

Старичек до крайности настойчив, и ссылками на условность научных предположений отнюдь не удовлетворяется. Когда, потеряв терпение, телефонистка выключает его из одного номера, он сейчас же звонит по другому.

Он принадлежит к типу людей, вообще проводящих в этом приятном занятии свой обильный досуг; в обычное время он справляется, например, озабоченно о профессиях, поле и адресах людей, спасшихся с „Титаника“ и требует точных сведений о том, насколько садится в декатировке аршин лиссабонского индиго.

Землетрясение даст теперь на целую неделю отдых его изощряющемуся уму; покончив с вопросом о характере „этой катастрофы“, он, несомненно, займется, к ужасу станции, детальной проработкой всех ее возможных и предполагаемых последствий.

Оставим его, переключимся еще раз.

Чей-то неуверенный и с большими паузами произносящий слова бас желает узнать, не будет ли новых „с-сотрясений“ на даче „Уют“ близ Алушты? Кажется это мне или в самом деле из трубки пахнет коньяком? Разговор продолжается томительно-долго; бас мычит невнятно и с трудом воспринимает, видимо, простые истины, которые кротко старается внушить ему телефонистка.

— Морды вам бить надо! — неожиданно говорит он, икнув в заключение, и вешает трубку.

У телефонистки дрожит подбородок и начинают часто мигать ресницы глаз; плакать нельзя, гражданка, обижаться дома будете!

Телефон звонит снова, и снова вспыхивает и мигает настойчиво красная лампочка у номера на стене.

— Вас слушают.

— Я желаю знать, не пострадал ли в Крыму гражданин Семен Тимофеевич Левитин, профессия — мыловар, возраст—1891?

— Местожительство?

— Это же неизвестно.

Последний раз взмахнув ресницами, барышня отвечает бесстрастно уже, точно и обстоятельно, как будто переводит тупую фразу из Глезера и Пецольта:

— Мы не можем сказать, не пострадал ли в Крыму гражданин Семен Тимофеевич Левитин, профессия — мыловар, возраст—1891, раз неизвестно точно, где он живет.

— Что значит неизвестно, раз человек поехал в Крым?

— Мы не можем сказать, гражданин.

— Что же вы можете, что?

Потом звонила девица из учреждения, с утра пославшая телеграмму в Симеиз; в 12 она справлялась, не получив ответа, куда надо подавать заявление о возмутительной небрежности телеграфа. Ее сменил актер с тройной фамилией, играющий благородных отцов; его интересовало, будет ли, в случае дальнейших толчков, продолжать работу эстрада в Ялте?

Потом вторая девица интересовалась, действительно ли снята натура в хронике землетрясения для кино, и если да, то почему не показано, как дрожит земля? За свой полтинник она желала, вероятно, увидеть на экране подземный гул.

Потом... потом мне захотелось на свежий воздух, подальше куда-нибудь от мигающих ламп и человеческих голосов...

А. Зорич

РОЖДЕННЫЙ ПОЛЗАТЬ ЛЕТАТЬ НЕ МОЖЕТ

Из 63 лиц, на долю коих выпали самые крупные выигрыши в авиалотерее Осоавиахима, совершили путешествие только двое; остальные предпочли получить стоимость полета деньгами.

— Иван Иванович! Счастливец! Летите?
— Лечу, дорогой. За деньгами!

ПО ПРИВЫЧКЕ...

(В бюро заграничных путешествий)

— Поездка обойдется вам в 50 фунтов стерлингов.

— А на килограммы это сколько будет?

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

— Безобразие!! Сколько времени у вас тут справки дожидаюсь!!

— Уж, так и долго?

— А то нет. Когда я пришел, солнце у вас на носу играло, а сейчас оно пониже спины уже переехало!

МЫСЛИ КСТАТИ

Ока впадает — в Волгу, Волга — в Каспийское море, а Кирилл Романов — в детство.

У ДВЕРЕЙ КРЕМАТОРИЯ

Рис. А. Радакова

В Москве начал действовать крематорий.

ПЕРВЫЙ ЧОРТ: — **Разрешите по четвертому разряду устроиться. Со своей сковородкой.**
СТОРОЖ: — **Пшел вон! Много вас тут, чертей, шляется!.. Устарела ваша специальность!**

ЭЛИНА ПОЛИТИКА

(Записки буфетного шкафа)

Без числа и месяца:

У меня хозяйка Эла
Политически созрела.
Я равняюсь по продуктам.
Как событья зреют вдруг там!..

Июнь:

Завалили полки чаем.
Значит, быть войне с Китаем!..

Июль:

Запасли английской соли:
С Альбионом схватка, что ли?

Июль (вторая половина)

Уф!.. Событья прут, что надо...
В ножках дрожь от рафинада...
Соль... Крупчатка... Пуд укропа...
Знать, воюет вся Европа.

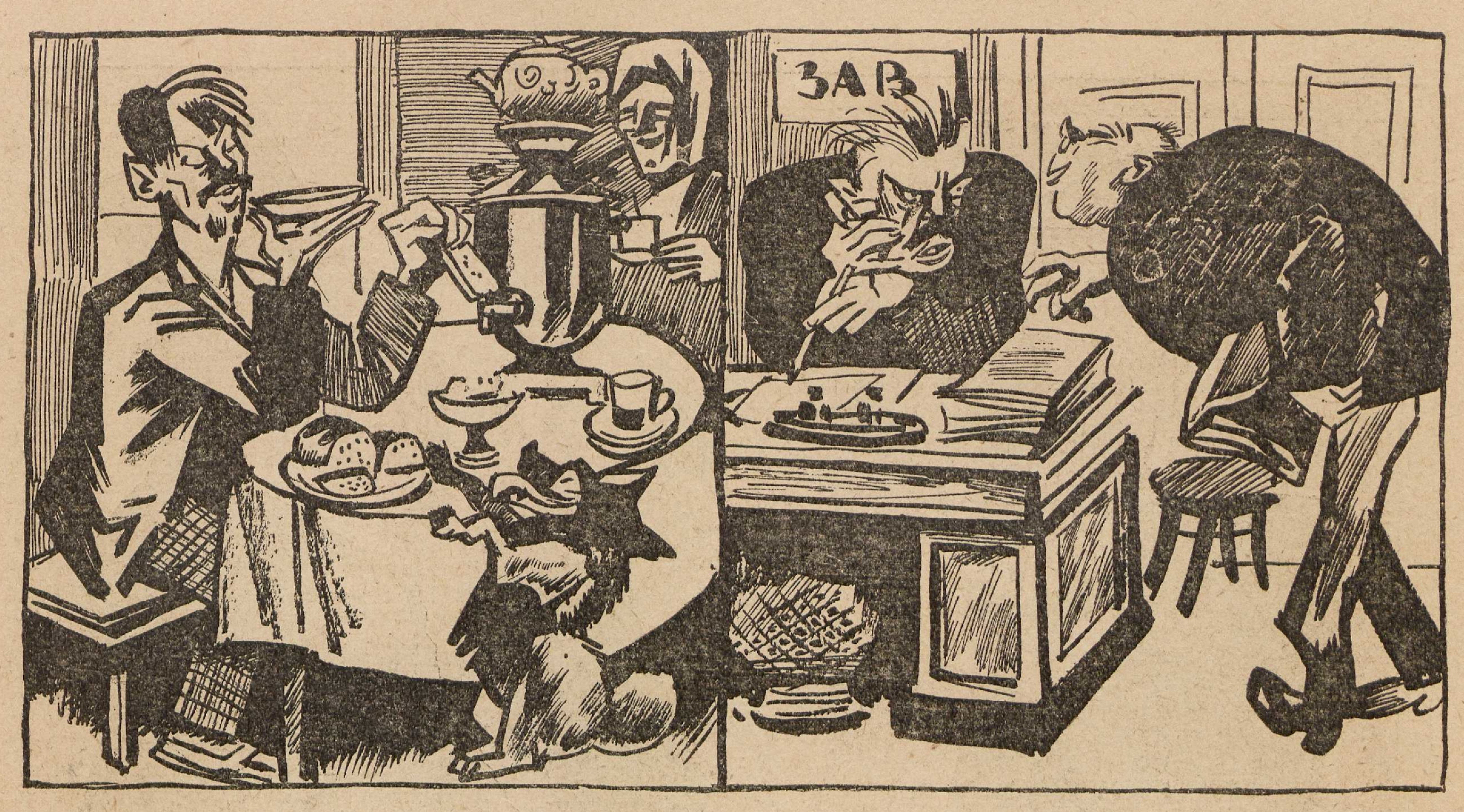
Август:

Понимать „курс дел“ кончаю...
Соль, муку, полпуда чаю,
Сахар, масла десять кринок
С бранью вывезли... на рынок!..

М. Андр.

СЛУЖБИСТЫ

Рис. А. Радакова

Сравнение не в пользу человека...

КЛАДБИЩЕ

(Жуткий рассказ)

Глава I

Принципы мистера Форда

Город Завьяловск застыл от зноя. Поверхностному наблюдателю кажется, что в полдень в его уездном масштабе живы лишь свиньи да куры. Остальное население, скрывшись за зеленой изгородью палисадников, либо спит, либо пьет квас.

На станции, со скоростью приходящих и отходящих поездов, пульсирует жизнь. К поезду выходят все: одни—во исполнение служебных обязанностей, другие—вследствие иных побуждений. Профработник в целях политпросветительных — узнать, не прибыли ли столичные газеты от позапрошлой недели, железнодорожный инженер, он же поклонник женской красоты, на предмет наблюдения красивых лиц, выглядывающих из окон. Любочка, машинистка из конторы, выбегает, чтобы посмотреть последние парижские моды. „Парижанки“ на ходу сигают из жесткого вагона и стремглав летят за кипятком. „Сообразить“ фасон в это время дело трудное, но, по уверениям Любочки, не безнадежное.

Отошел поезд,—умерла станция. ДС и ТЧ и другие группировки заглавных букв превратились в Иван Иванычей и Петров Кузмичей. Они мирно поглощают в буфете холодник со льдом и 50% скидкой, полагающейся служащим станции.

Из окна буфета видно поле с золотеющей рожью и дальний перелесок. От станции до перелеска, по всей „линии отчуждения“ раскинулось ржавое железнодорожное кладбище: металлические трупы паровозов, бывшие ходы бывших вагонов, какие-то трубы, какие-то гайки, какие-то шестерни, сваленные в кучу. Их моют дожди, засыпает их пыль...

— М-да!..—говорит Иван Иваныч, поглаживая задумчиво лысеющий череп.—В Америке этого ни за что бы не допустили... Там насчет этого туго... На заводах Форда, сказать смешно, каждый лом к месту... Испортилась машина: годные части отберут, остальное в переплав...

— Сказал, ч-а-асти!..—щурится Петр Кузьмич.—Там тебе не только части, там стальным опилком не брезгуют... Пометут пол и... в переплав... Сооруди-ка, Петр Лексевич, полдюжинки.

— Слушаю-с!..—изгибается приятно буфетчик.—Раков позволите?..

— Дай! —кивает ремонтный мастер.—Рака я люблю!.. А а еще что читал, Петр Кузьмич!.. Дым выучились ловить... Процедят через особую машину и в переплав... А, Любочка, что скажете... Лимонада, мармелада...

Но Любочка, газелью влетевшая в буфет, не слышит. Глаза Любочки — стоячее озеро слез.

— Иван Иваныч, это невозможно!.. Выбежала на минуточку к поезду, и раз,—коробку пудры из стола слимонили...

— А вы, дорогуся, запирайте!.. Ушли все из конторы, дверь на запор!..

— Как же запирать, если засова нет!.. Третий месяц хлопочем... Теперь мне за пудрой в губернию придется ехать...

— Подпишем „провизионку“, скатаете, ангел!..

— Мерси!..—глаза Любочки веселеют.—А нельзя ли нам засов приделать?.. Сторож Яким берется... Пусть, говорит, ремонтный железа отпустит... У него, говорит, много... Подходящие части есть...

— Мало ли, чего у меня есть!..—солидно возражает ремонтный.—Не могу я по своему произволу железом манкировать... Вы подайте заявление, а мы рассмотрим... А раз засовов готовых у нас нет, придется обратиться в правленье, а правленье в свою очередь... Дай-ка, Петр Алексевич, еще полдюжинки... Для Любочки лимонада представь!..

Лица оживляются. Буфетчик бабочкой летает от столиков к стойке. Инженер, не взирая на ревнивую жену и пять человек детей, под шумок об'ясняется Любочке в любви. Другие возвращаются к прежней теме разговора, имена Тейлоров и Фордов реют под засиженным мухами потолком

Глава II

Практики на работе

Мертвое днем, ночью железнодорожное кладбище оживает. Руины скрежещут, бряцают железными частями, перекликаются живой человеческой речью:

— Васька, леший, куда гайку д л?

— Издеся она...

— И-зде-сяя!.. Говорил, чтобы класть болты к болтам, гайку к гайкам. Прочищу вот рыло, будешь знать. О господь батюшко, ни одной паровозной трубки не оставили!.. Такой вороватый народ пошел, хуч самогонное производсто бросай...

.. В красненьких домишках, что около станции, вспыхивают осторожные огни..

— Вы бы еще подольше там возились, ироды халдейские!—Иван Карпыч больше часу ждет...

— Та вить... дело-то... Ржавый предмет, ничем не отвинтишь...

— Ну-ну, бог простит!..—примирительно говорит Иван Карпыч, владелец кузницы и железно-скобяной торговли.—Кажи, чего господь послал... Трубок паровозных нету?..

— Только одну и нашли, Иван Карпыч!.. Все порастаскали, сволочь народ!..

— Способные трубочки для производства. Так, а это что... Гаечки... И гаечка ничего ежели к делу... И на грузило, и по домашней надобности... Себя уважающий парень без гайки в драку не выйдет... За ножик ответственность велика, а гайка, что ж... Гайка без вреда.

— Болтов вот дюже много.

— И болт ничего. К молотилке ли приспособить, „Фордзоныча“ ли починить... И рельсы годящая штуковина. Шпалы-то зачем приволокли?

— Заодно брали. На топку пригодится...

— Ну-ну. Дай бог. Наваливай на телегу. За расчетом завтра в лавку. Н-о-о-о, милая. Потрогивай!..

Еще немножко практического „фордизма“ и от железнодорожного кладбища не останется и следа...

М. Андриевская

ПАТЕНТОВАННАЯ ИГРУШКА

Рис. Ю. Ганфа

— **Скажите, а ваша кукла умеет закрывать глаза?**

— **Смотря на что. Она закрывает глаза на обыск в советском торгпредстве, на события в Китае, на закон о профсоюзах... На что надо, на то и закрывает.**

ДОЛГИЙ КУРС

Окружной суд в Пешоваре приговорил индуса Фазан-Али-Урбана к 5 годам строгого тюремного заключения за то, что он поступил в московский университет.

Из газет

Рис. М. Черемных

ОДИН ИЗ СТУДЕНТОВ: — Сначала придется засесть тут на пять лет, зато потом — полная свобода!
ФАЗАН-АЛИ-УРБАН: — Сначала — полная свобода, а потом придется засесть на пять лет.

ТРУПРОАР СОБРУК

Катастрофа

Если б я мог описывать ужасные злоключения трудовой производственной артели „Собрук" с таким же бесстрастным спокойствием, как некогда „монах трудолюбивый", сидя в своей келье, повествовал о днях царя Бориса! Увы, это невозможно!

Келья, положим, есть: две с половиной сажени, по полтиннику сажень. Но спокойствия нет.

Быть-может, потому нет спокойствия, что и Хурдомурдов, и Соскин и Гопак-Гопаченко—эти несчастные учредители и члены артели, гораздо ближе мне, чем царь Борис—трудолюбивому монаху-летописцу.

Они и посейчас живы—бегают, хлопочут, и не дальше, как час тому назад, я одолжил Соскину десять рублей. Мотивы были настолько уважительны, что нельзя было не одолжить. Но об этом речь дальше.

А теперь, стиснув зубы, приступаю к повествованию и постараюсь ни одним словом не выдать своего волнения, вызванного горькой судьбой „Собрука".

Читатель помнит из предыдущей главы („Смехач", № 29), что мы оставили артель в решительный для нее момент — накануне важного многообещающего открытия.

От предпринятых Хурдомурдовым опытов по изобретению „Тараканьих капель"—зависела дальнейшая судьба артели.

Будущее артели, таким образом, находилось в руках тараканов.

Понятно, с каким нетерпеньем остальные члены артели (Соскин и Гопак) справлялись о ходе опытов.

Телефонистки вправе были сказать в эти дни, что телефоны Хурдомурдова, Соскина и Гопака—самые беспокойные во всем городе, а разговоры по этим телефонам—самые странные и загадочные.

— Ну, как делишки? — звонил, например, абонент Соскин:—не сдохли еще?

— Нет. Еще бегают...—отвечал абонент Хурдомурдов.

— Попробую заменить нашатырный спирт валерьянкой...

— Хорошо. Я вам позвоню через час... Всего! И дай им бог так не сдохнуть, как я хочу умереть!..

День за днем Хурдомурдов наблюдал за тараканами, посаженными под стеклянный колпак. А под колпаком было одно и то же: тараканы или с отвращением шарахались в сторону, нащупав усами нашатырный спирт, касторку и тому подобную дрянь,—или деловито ползали по хлебной корке, сдобренной анисовыми каплями.

Помирать не помирали.

— Ничего, голубчики!—с твердой уверенностью бормотал Хурдомурдов, изучая их сквозь увеличительное стекло: — Рано или поздно сдохнете! Уж я найду верное средство!

Как результат этой твердой уверенности, следует рассматривать появление на горизонте артели нового лица, судьба которого отныне крепко спаялась с судьбой артели.

Это новое лицо—делопроизводитель Моисей Карась, нанятый артелью на жалование в семьдесят пять рублей (пока! а впоследствии прибавим!).

Временно Моисей Карась был водворен в квартиру Хурдомурдова и ему поручено было, за неимением других дел, вести „запись наблюдений".

На аккуратно разлинованном листе Моисей Карась вписал в графу „Приход":

Тараканов—6,

графа „Расход" оставалась незаполненной, ибо, как уже упомянуто выше, пока еще ни один таракан не сдох.

В „особых примечаниях" подробно, в хронологическом порядке, заносилось тараканье меню.

Катастрофа произошла ровно через неделю, после начала опытов.

Хурдомурдов экстренно созвал товарищей.

Он был заметно расстроен и смущен.

— Посмотрите-ка... Не понимаю, что с нашими тараканами?

— А что? Слава богу, сдохли?! Я же знал! — обрадовался Соскин, потирая ладони: — я уже имею заказов на сто пузырьков „Тараканьих капель"!..

— Они живы!—уныло сказал Хурдомурдов:—хотя и еле двигаются... И почему-то не могут сдохнуть... Чем только я их ни пичкал!.. И все еще живы...

Наступило молчание. Все трое нагнулись над колпаком, и только Моисей Карась что-то аккуратно писал в стороне за своим столом.

— Ползают! — сказал Соскин: — но как же они медленно ползают! Они...

— Батьку их в пекло!—рявкнул Гопак-Гопаченко.

— Или вы не видите, в чем дело?

— Так в чем?—заморгал глазами Соскин.

— Они же проклятые сволочи дармоеды разжирели, як боровы, так що едва ноги волочут!..

Эти слова воочию вскрыли сущность происшедшей с тараканами метаморфозы.

Сомнений не оставалось: конечно, это факт — тараканы с пользой для себя провели время под колпаком. Они поправились, как туберкулезные на курорте. Смешно было ждать и требовать от них, чтобы они сдохли при таком роскошном питании.

Тараканы благодушествовали—мечты погибли...

Несчастная артель чувствовала себя возле этого стеклянного колпака—как у разбитого корыта.

Тяжелое раздумье прервал Моисей Карась, подав Хурдомурдову записку с просьбой о выдаче „аванса в размере тридцати рублей, в счет жалования".

Хурдомурдов пробежал записку и сбоку, в правом углу, наискось наложил резолюцию: „Выдать, с удержанием".

Соскин взял записку, повертел и тяжело вздохнул.

А в это время Гопак-Гопаченко вытряс разжиревших тараканов на пол и с наслаждением давил их по очереди каблуком. Тараканы покорно хрустели и лопались, как лопаются самые прекрасные затеи.

Гопак свирепо рычал:

— „Зах-хочу—полюблю, зах-хочу—р-раздавлю".

К чести артели следует сказать, что жалование Моисей Карась получает аккуратно по сей день, хотя артель все еще ничего не производит.

— Не выгонять же хорошего человека!

Но чего это стоит бедным членам артели?!

Страшно подумать!

Мне это стоит десять рублей, одолженных Соскину час тому назад.

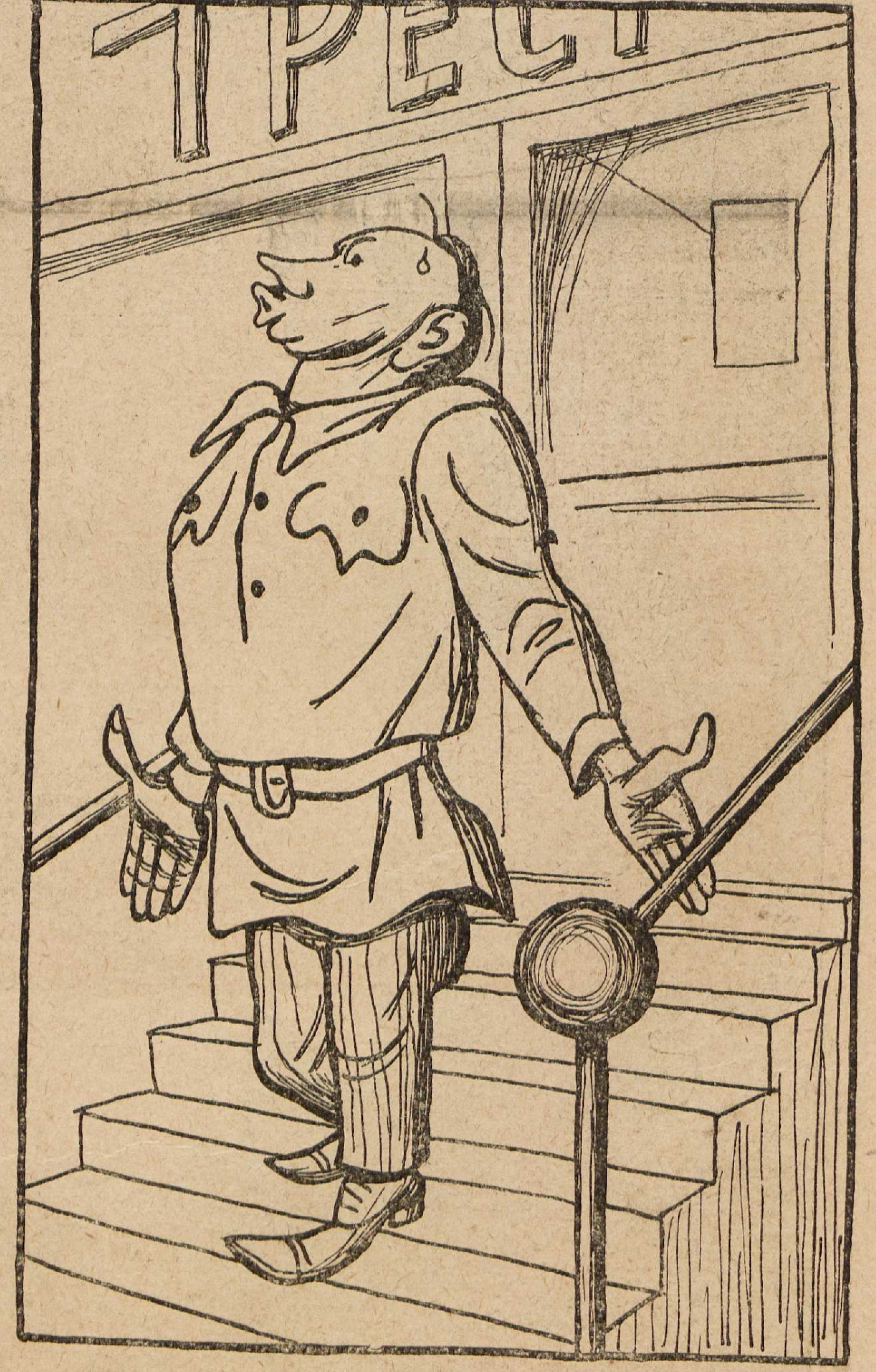
— Вы знаете, с миру по ниточке, так бедному делопроизводителю рубашка! Но ничего, ничего!

Наша артель еще встанет на ноги! Вы получите свои деньги обратно, с процентами. Не верите?

И. Прутков

К ОТКРЫТИЮ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

Рис. Б. Малаховского

— Удивительная вещь! И не театр, кажется, а за кулисами чорт знает что делается!

ТОМАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ

Рис. Б. Антоновского

Томас заявил, что он отражает настроения сто тысяч рабочих.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ (Томасу): — Вам, очевидно, одному трудно отражать настроения широких масс. Мои бравые ребята помогут вам отразить какие угодно настроения.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Поэт П. Страхов вышел пострелять чернышей, и вот как он рассказывает о своих переживаниях в „Охотничьей Газете“ (№ 7):

Я медлю выстрелом нежданно
Свалить красавца черныша.
Ведь утро так благоуханно,
Так жизнь безмерно хороша!..

Ежели ты такой прекраснодушный человек и даже птички не обидишь,—выходи из состава сотрудников „Охотничьей Газеты“ и начни сотрудничать в вегетарианской газете „Я никого не ем“!..

*

—„Недурно для начала!“—может воскликнуть читатель, ознакомившись с нижеприведенными строчками, которыми начинается стихотворение Дм. Петровского, помещенное в журнале „Новый Мир“ (№ 8):

Я—сотнями слышанных песен,
Я—руганью черных кварталов
Готовлю поэму к восстанью,
Себя для пролога повесив.

Но если поэт себя повесил для пролога,—что-же он с собой сделает для эпилога?

Подумать страшно!!!

*

В том-же „Новом Мире“ (№ 9) поэт М. Светлов чирикает:

Это чуть оригинально:
К волосам таким—косынка!
Убегает к тихой речке
Беспартийная тропинка.

Больше о тропинке в стихотворении ничего не сказано. А жаль: ведь тропинка не простая, а беспартийная. Почему-бы не обратиться к ней, например, так:

Ах, тропинка, разрешите
Вы вопрос такого рода:
Что вы делали, скажите,
До семнадцатого года?

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ПОРОСЕНКА

Известно, что на основании обязательных постановлений местных исполкомов поросенок обязан пребывать в „черте оседлости“ его владельца и не имеет права выходить на улицу, а тем более хрюкать там и вообще вести себя неприлично...

В каждом городе обязательное постановление, регламентирующее права и обязанности поросенка, имеет свой №, но дух его почти повсеместно одинаковый.

В Днепропетровске, например, обязательное постановление, регулирующее права и обязанности поросенка, известно под № 9. Известно оно, собственно, милиции и, быть может, кое-кому из граждан, но во всяком случае не поросятам.

Трудно себе представить, до чего может довести иногда недостаточное внедрение правовых знаний среди поросят.

Вот послушайте замечательную историю.

Поросенок днепропетровского рабочего Комарова, будучи совершенно незнаком с обязательным постановлением о его правах и обязанностях, в один прекрасный день вышел из „черты оседлости“ своего владельца на улицу, выкупался в канаве и пошел гулять по улице, похрюкивая.

Сколько времени гулял поросенок — неизвестно, но вдруг он наткнулся на неизвестного человека. То был, вы думаете, кто? Милиционер? Ничуть не бывало. То был просто вор. Не долго думая, вор схватил поросенка, всунул его в мешок и пошел.

Пробовал поросенок визжать, чтобы этим самым заявить о своих правах и обязанностях. И представьте себе: визжание поросенку помогло. Его услышал рабочий Комаров, шедший в это время домой с работы. Комаров остановил неизвестного человека с поросенком в мешке, заставил его открыть мешок и... узнал своего поросенка.

Тут, как известно, дело уже пахнет милицией.

Комаров доставил вора с поросенком постовому милиционеру.

Постовой милиционер тупо посмотрел на Комарова, вора и поросенка и сказал:

— Пожалуйте все в милицию, там разберут...

В милиции дежурный, раньше чем „разобрать“, заставил Комарова и вора заполнить анкеты, написал протокол и, отложив ручку, строго посмотрел на чернорабочего Комарова.

— Извольте заплатить один рубль штрафа,— сказал дежурный Комарову.

— За что же? Не я ведь у него поросенка украл, а он у меня...

— А за то, что ваш поросенок нарушил обязательное постановление № 9, коим строго воспрещается поросятам появляться на улицах...

Все аргументации Комарова не помогли. Ему пришлось уплатить штраф за несознательное отношение поросенка к своим правам и обязанностям.

Что же касается вора, то, принимая во внимание, что действие его нельзя подвести под обязательное постановление № 9 о домашних животных, дежурный не счел возможным далее его беспокоить и отпустил его на все четыре стороны.

Ну, а поросенок?

Страшная участь постигла поросенка. Рабочий Комаров, доставив его домой, решил, что с таким несознательным элементом он может иметь еще много неприятностей.

А посему поросенок был зарезан и с'еден.

Отличная свинья могла бы выйти из этого поросенка, да темнота и незнание своих прав и обязанностей его погубила.

Гр. Львович

ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО

Рис. Н. Радлова

— **Почему вы так успешно торгуете?**

— **Кооперативы, видите-ли, подходят к покупателю, а мы—под'езжаем!**

ФОРМАЛИСТ

(Факт)

Вечереет. На реке тишина. Осенний ветерок мягко купается в воде и тонет, не вызывая волнения реки. На пристани сутолока в ожидании парохода. В багажном отделении хвост. Рыжий, дюжий детина, высунув язык, пишет накладные.

— Следующий, который? Вологда? Груз — один ящик весом 5 пудов 7 фунтов...

— Да это, видите ли...

— Не интересуюсь. Когда вас спросят, тогда и ответите... Ежели мы заподозреваем товар, тогда проверяем. А вас не спрашивают, вы и молчите... С вас 8 рублей 87 копеек. Страховать надо!

— Не нужно! Этот груз не украдут.

— Ну, смотрите... Без страховки разное бывает. Потом плакаться будете. Насыпят вам камней по дороге—хвост подожмете на станции назначения. Но потом будет поздно.

Конторщик Госпароходства отпивает из стакана темную бурду, вроде чая, и снова пишет. Молчание.

— Так страховать не будете?.. 8 рублей 87 копеек. Опять же бой бывает.

— Боя наш груз не боится. Это, изволите ли видеть...

— Ну, довольно, довольно,— перебивает конторщик и что-то долго прикидывает на счетах. Потом звонит куда-то по телефону, и слышны непонятные почти мистические слова:

— Коносамент при накладной. Да ну их, на крутой бакштаг левого галса! Чего голову морочат. Номер какой? Номер скажу. 076542. Так и запишите!

Конторщик снова обращается к очередному грузоотправителю:

— А обшивка у вас хороша? Ящик не худой?

— Нет, толстый! Потому как там...

Тут перебивает стоящая рядом женщина в платочке:

— Нет резону страховать. Прошлый год приехали к нам из Сибири. Заместо шубы тряпки и кирпичи в корзине! Полтора года хлопотали, а потом получили 25 копеек за недостачу веса...

— Пропорциально страховой суммы— говорит какой-то бородач, купеческой складки...—Пропорционально. Обязательно.

— Нет, тут обмана быть не может,— тихо отвечает сдающий в багаж человек.—Груз у нас исключительный. Труп это, покойничек. Из Вологды везем — на родину в Устюг. Домовладелец бывший,— приехал и помре. Вдова требует труп.

— Покойничек? — раздается в очереди.— Мертвец, значит?

— Ну, тогда страховать не надо! Само собой.

— Покойник? Мертвое тело? — говорит и конторщик.— Так бы вы и сказали.

И он ставит на накладной жирный штамп:

За внутренний бой и утечку Госпароходство не отвечает.

— Пожалуйте!— говорит он сочувственно.— Теперь в порядке... Следующий!

Борис Ф.

ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

Высокий стиль

Из судебного отчета О. Я-ва в „Ленинградской Правде“:

Тот день, когда около станции Елисаветино был убит крестьянин Роберт Розар, решительно ничем не отличался от всех остальных дней; и самый акт убийства настолько был будничен и так был похож на то, что происходит изо дня в день, что удивляешься отнюдь не тому, что убили Розара, а тому, **что ежедневно не бывает хотя бы по одному такому убийству.**

Какой кровожадный человек!
Где воспитывался этот О. Я-в?
Не в Болгарии?

В точку

Своеобразный подход к рационализации встречаем в Луганском округе:

Луганский округ потребовал от предприятий сведения о том, сколько в мастерских имеется крючков для одежды для мужчин и для женщин, на которых вешают одежду.

Ух, и верно бюрократы эти крючкотворством занимаются!

Ухарь-избач

Не даром говорится: „Берегись, избач,— не попадись в Смехач“.

Избач с. Медведовки (Ставропольского округа) не уберегся и вот честь ему и место на наших страницах, в обмен на место заведующего избой-читальней.

В Медведовской избе-читальне заведена книга вопросов, на которые избачем должны даваться ответы

Вот что в этой книге записано:

В о п р о с: Почему переменяют избачей и председателей?

О т в е т: Подрастешь, узнаешь.

В о п р о с: Куда девается комсомольский билет, когда комсомолец переходит в партию?

О т в е т: Остается у комсомольца и служит для поминания в ближайшей церкви.

Не пройдет и месяца, как посетители избы-читальни „подрастут и узнают“, что иной раз избачей переменяют за чрезмерно игривый нрав и „поминают“ не в ближайшей церкви, а в той-же избе-читальне.

Поминают, как звали.

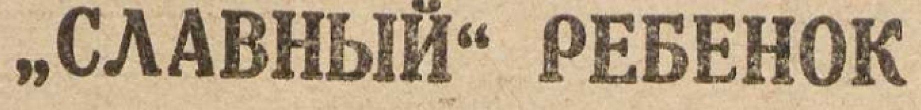

Рис. Н. Радлова.

— **Ах, если-бы отец бросил пить!**
— **Что-же было-бы?**
— **Я допил-бы эту бутылочку!**

Божьи птички

Ходит бюрократическая птичка по тропинке всяческих общественных бедствий, оставляя дела без последствий.

В Буравлеве вороны унесли у жены гражданина Степана Староса цыпленка. В отместку воронам гр. Степан подверг всех ворон, пребывающих в Буравлеве, высшей мере социальной защиты. Местный учитель Зальников, заявил гр. Степану Старосу протест с требованием прекратить недопустимое в СССР истребление полезных птиц.

В ответ птицеубийца Степан Старос отправил тов. Зальникову следующее отношение:

„Настоящим Ваше предписание я читал и прошу Вас за учиненные мне убытки Вашими полезными птицами уплатить, так как за время от 1 Июня по 5 Июля Ваши полезные птицы истребили 21 цыпленка, и что прошу сказать Вашим полезным птицам, чтобы они моих цыплят не трогали, а если Вам их жалко, то садитесь сами в гнездо и Вам такая участь будет, как и Вашим воронам.

С почтением к Вам Степан Старос“.

И началось птичье дело. Зальников немедленно выехал с докладом в Уотнароб. Уотнароб написал соответствующую бумажку Предвику.

Предвик передал дело фракции УИКА.

Ворон к ворону летит, ворон ворону кричит:
— Ну и птицы.. эти важные уездные птицы!

Поправка к поправке

Оказывается не всегда, когда наступает молчание, дурак родится; иной раз он появляется на свет в громовых раскатах... собственного красноречия.

Недавно в Балте в третьем участке Нарсуда слушалось дело об алиментах. Одна селянка просила присудить ей с покинувшего ее мужа пятимесячное пособие для поправки после тяжелых родов.

В защиту ответчика местный адвокат Швейцер заявил:

„Большинство женщин нуждается в поправке после родов. Но это ничуть нельзя отнести к крестьянке. Странно выслушивать на суде от обыкновенной нормальной крестьянки такие нежности, как поправка после родов“ и т. д.

В это дело необходимо внести не маленькую, а серьезную поправку здоровья адвоката Швейцера в изоляторе для ненормальных.

Американское правосудие

В Ростовской на Дону трудовой школе № 1 исключено за „расхищение“ казенного имущества 11 человек учащихся.

Преступление учащихся выразилось в том, что они „не возвратили“ в срок книг из школьной библиотеки.

Мягкий приговор! За этакое преступление следовало бы „преступных“ детей посадить прямо со школьн. скамьи на... электрический стул!

От ростовских педагогов всего ожидать можно!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Москва — Анаджи.

„Во время землетрясения я жила в Крыму в Анапе“

Анапа предусмотрительно находится на расстоянии нескольких сот верст от Крыма. Просим Вас взять с нее пример и держаться на таком же расстоянии от нашего журнала!

Издатель—„ГУДОК“.

Отв. редактор—**И. Н. Пирогов.**

Главлит № 93.583. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

50-00

В ТИРЕ

Рис. И. Малютина

— Послушайте, почему вы не упражняетесь в стрельбе?
— Зачем же? Я плачу военный налог.

